

XI Астаховские чтения

4–5 июня 2010 г. в Харькове на базе Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина совместно с Харьковским гуманитарным университетом «Народная Украинская Академия» состоялись XI Астаховские чтения на тему «Науковедение и история исторической науки». В основу работы конференции были положены следующие направления: историография как науковедческая дисциплина; диалектика внутренних и внешних факторов развития исторической науки; парадигма как познавательная категория: опыт и перспективы использования в социально-гуманитарных науках; наукометрические подходы и методы в историографических исследованиях. Исторический факультет Харьковского университета (во многом благодаря усилиям его декана С.И. Посохова) за последние годы превратился в настоящую международную историографическую площадку, привлекающую внимание историков, источниковедов и историографов. Работа чтений была организована в 3 секциях: «Теоретические новации в современной историографии», «Науковедение и историография» и «Проблемы истории исторической науки и образования». Программа конференции была построена таким образом, что участники конференции смогли принять участие в работе всех секций, что дало возможность провести дискуссию практически по всем докладам.

Л.П. Репина (Институт всеобщей истории РАН) в докладе о теоретических новациях в современной историографии отметила многообразие и неоднозначность тенденций развития историографического пространства. Наряду с расцветом микроисторических исследований в начале XXI в. фактически сформировалась новая научная дисциплина – глобальная история, опирающаяся на представления о когерентности мирового исторического процесса. *И.И. Колесник* (Институт истории Украины НАН Украины) посвятила свое выступление проблемам категориального аппарата историографии. В частности, речь шла о таких базовых понятиях неклассического науковедения и психолингвистики, как «стереотип», «нейролингвистическое программирование» и «конфликт». Рассматривая «историографические стереотипы» как устоявшиеся образцы исторического письма, упрощенные представления об истории и способах ее познания, шаблоны культурного, социального и идеологического мышления, докладчица показала процесс «коррозии» стереотипов под воздействием реальности, особенно в эпоху социальных кризисов.

С.И. Маловичко (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева) обратил внимание на такой важный сюжет в истории исторической науки, как поиск методологического инструментария в период парадигмальных изменений. Он отметил, что с конца XX в. историография отклонилась от рационального, прагматически направленного на иерархизацию знания подхода в изучении прошлого. Маловичко подчеркнул, что увеличивающееся число исследовательских полей превратило прошлое во множество отдельных миров. Но перспективы развития науки, по мнению докладчика, лежат не в плоскости дробления целой дисциплины на фрагменты, а в выделении ее смыслового ядра и четкой фиксации профессиональной территории. При этом акценты постепенно смещаются, как предсказывала О.М. Медушевская, с традиционного диахронического подхода на синхроническое исследование системных связей.

К проблеме трансформации исторической науки на рубеже XX–XXI вв. обратился *И.Б. Орлов* (Государственный университет – Высшая школа экономики), отметивший, что происходящие в науке процессы, на первый взгляд, демонстрируют 2 противоположные тенденции: с одной стороны, усиливается специализация научных дисциплин, с другой – очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к научному синтезу. Докладчик нашел некоторые объединяющие принципы, которые в центр историографического анализа ставят историка как субъекта исторического познания. В частности, он выделил несколько общих эпистемологических принципов для различных направлений «новой истории»: отрицание позитивистского историографического опыта с присущими ему представлениями о нарративной истории; акцент на «тоotalности» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр реконструкции «рядового» человека; конструирование нового принципа исторической хронологии, в основу которой положены открытие различных ритмов временных изменений; необходимость междисциплинарности в рамках наук о человеке при определяющей роли истории. Все это, вместе взятое, по мнению Орлова, позволяет говорить, что у «новой истории» есть серьезный потенциал для формирования общей системы подходов. Местом такой общей «сборки» может выступить историография.

На место и роль историографии в современной научной ситуации обратила внимание *Т.Н. Попова* (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова), отметившая стабили-

зацию историографической ситуации в 2000-х гг. В выступлении *Е.Н. Богдашиной* (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды) характеризовались социокультурные факторы развития исторической науки на украинских землях во второй половине XIX – начале XX в. В частности было рассмотрено влияние этих факторов на распространение позитивизма, в котором интеллигенция пыталась найти ответ на насущные проблемы общественного развития. Популярности позитивизма способствовала его ориентация на новые интеллектуальные стандарты и стремление к модернизации общества. *Д.П. Урсу* (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова) объяснил свое обращение к науковедческой тематике желанием «повысить доказательность некоторых теоретических положений с помощью методов науковедения». Он отметил, что «задача превращения историографии в точную науку» остается актуальной и призвал освободить историографические обобщения и оценки «от бесплодной теоретической схоластики и игры в метафоры». По мнению историка, наиболее результативным методом в историографическом исследовании может стать клиометрия.

О нежелании гуманитариев, в том числе историков, к наведению «порядка на основе определенной парадигмы» говорил и профессор кафедры историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин *А.Г. Болебрех* (Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара). Историк отметил опасность подражания зарубежным исследовательским моделям и взглядам на источники как на субъективные тексты. В докладе историков из того же университета *Т.В. Портновой* и *А.Е. Чернова* «Куновская история науки: “мир природы” или “мир истории”?» было отмечено, что советская наука вплоть до начала 1980-х гг. проявляла «нечувствительность по отношению к методологическим идеям», разрабатываемым в науковедческих дисциплинах. Авторы задались довольно старыми, но от того не ставшими менее актуальными вопросами о том, является ли история наукой, а история науки – историей? Они проанализировали причины, по которым в научном сообществе (особенно среди представителей естественных наук) доминирует представление о «ненаучности» истории как особой отрасли знания.

В докладе *М.Ф. Румянцевой* (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета) в качестве отправной точки для размышления был выбран анализ парадигмальной ситуации в историческом знании, проведенный *О.М. Медушевской* в рамках разработки концепции когнитивной истории. Следуя за Медушевской в ее понимании смены парадигм в истории как длительного процесса, проявляющего себя «в целом спектре переходных состояний», Румянцева предложила изучать историю исторической науки не как историю постоянного «приращения» знания о прошлом человечества, а как историю, создаваемую историками, каждый из которых обладает своей неповторимой индивидуальностью, как историю трудов и концепций. Докладчица периодически обращалась к размышлениям Медушевской о специфике современного исторического знания, в рамках которого происходит борьба двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключая перспективу поиска закономерностей и видящей организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка. Парадигма же истории как строгой науки стремится выработать совместно с науками о природе общие критерии системности, точности и доказательности нового знания. В качестве примера сохранения старой парадигмы Румянцева указала на дискуссии вокруг созданной в мае 2009 г. Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. По ее мнению, кроме убеждения в кумулятивном характере знания, дискурс «восполнения пробелов» сводит задачу историка к сборанию как можно большего объема фактов, чтобы создать историю «без белых пятен». Наоборот, в парадигме, отвечающей требованиям современной исторической науки, целеполагание историографического исследования предполагает анализ не того, что не сделали предшественники, а того, что и, главное, почему они сделали.

В выступлениях были также подняты вопросы историографии исторической информатики (*И.М. Гарскова*) и исторического образования (*Л.Ю. Посохова, В.В. Левченко, Ю.А. Киселева, Я.М. Приходько*). Судьбам известных и незаслуженно забытых историков были посвящены доклады *Н.В. Ростиславлевой, С.А. Чухлий, А.А. Сайпановой* и др. В выступлениях многих исследователей так или иначе прозвучала обнадеживающая характеристика «историографической площадки» как места «сборки» новой исторической парадигмы.

С.И. Маловичко, доктор исторических наук
(Российский государственный аграрный университет – МСХА
им. К.А. Тимирязева),
И.Б. Орлов, доктор исторических наук
(Государственный университет – Высшая школа экономики)